

Идеи нового урбанизма в России

Копылова Лариса Васильевна (Москва). Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 21. РАЖВиЗ Ильи Глазунова). Эл.почта: kopylova-lv@glazunov-academy.ru.

Аннотация: Возвращение традиционного города в практику градостроительства – общемировое движение, которое началось в 1980-х и продолжается в наше время. В некоторых странах это движение получило имя Нового урбанизма. Его основные черты – наличие традиционной иерархии в планировке и силуэте города, традиционных улиц с общественными функциями в первых этажах, приоритет пешехода, экологии и натуральных материалов. В статье прослежено формирование идей этого круга в современной русской архитектуре, впервые проанализирован вклад русских архитекторов неоклассического направления в возрождение традиционного города. Рассмотрены связи русской неоклассической школы с отечественной архитектурной традицией, включая бумажную архитектуру. Дана оценка особенностей подхода русских авторов по сравнению с западными новыми урбанистами.

Ключевые слова: традиционный город, Новый урбанизм, неоклассическая архитектура, экология, Михаил Филиппов, Максим Атаянц, Михаил Белов, Илья Уткин, "Горки Город" город, Город набережных.

Education and Science. Architectural Reflection

Kopylova Larisa V. (Moscow). The Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture (21 Myasnitskaya street, Moscow, 101000, Russia). E-mail: kopylova-lv@glazunov-academy.ru.

Abstract. The return of the traditional city to the practice of urban planning is a worldwide movement that began in the 1980s and continues today. In some countries, this movement has been called the New Urbanism. Its main features are the presence of a traditional hierarchy in the layout and silhouette of the city, traditional streets with public functions on the ground floors, the priority of pedestrians, ecology and natural materials. Russian architecture traces the formation of the ideas of this circle in modern Russian architecture, and for the first time analyzes the contribution of Russian architects of the neoclassical trend to the revival of the traditional city. The connections of the Russian neoclassical school with the Russian architectural tradition, including paper architecture, are considered. The assessment of the special approach of Russian authors compared with Western new urbanists is given.

Keywords: traditional city, New urbanism, neoclassical architecture, ecology, Mikhail Filippov, Maxim Atayants, Mikhail Belov, Ilya Utkin, Gorki Gorod, Gorod Naberezhnykh

Введение

Возвращение традиционного города в практику градостроительства – общемировое движение, которое началось в 1980-х и продолжается и в наше время. В некоторых странах это движение получило имя Нового урбанизма. Предпосылками

интереса к традиционному городу стали общий гуманитарный поворот, разочарование в поэтике техники – всемогущей, но и смертоносной, кризис авангардной эстетики, заново открытая традиция – явления, характерные для 1970-х и проявившиеся в разных областях культуры. Основные черты Нового урбанизма – наличие традиционной иерархии в планировке и силуэте города, традиционных улиц с общественными функциями в

первых этажах, приоритет пешехода и образование местного сообщества. Города Нового урбанизма существуют в рамках устойчивого развития, поскольку их стремятся строить из местных долговечных натуральных материалов силами местных строителей, сберегая ресурсы. Экологическая парадигма также родилась в 1970-х. В стилистическом решении новые урбанисты ориентируются на местный вернакуляр, а главные площади часто решены в ордерной архитектуре. Наиболее яркие линии Нового урбанизма на Западе – американская и английская. Американские градостроители Андрес Дюани и Элизабет Платэ-Зайберк спроектировали в США первый город этого направления – Сисайд (1980). Они также являются авторами самого термина «Новый урбанизм» и входят в число учредителей Конгресса Нового урбанизма, который проходит ежегодно с 1993 года¹. Английскую линию представляют прежде всего Леон Крие и спроектированный им в 1988 году город Паундбери в Дорсете (Великобритания). Русская концептуальная линия традиционных городов возникла тогда же, в 1980-х годах, и развивается по сей день. В отечественной науке она не была исследована в достаточной мере. Её отчасти освещал Григорий Ревзин в издаваемом им журнале «Проект классика» (выходил в 2001–2009), он же посвятил монографии архитекторам неоклассического направления – Михаилу Белову (2006) [1] и Михаилу Филиппову (2011) [2], но тогда ещё не были реализованы основные градостроительные произведения русских архитекторов, некоторые из них фигурировали в книгах в качестве проектов. В 2010-е годы построенные в России традиционные города освещались в профессиональной печати, в том числе в материалах автора [3], но как отдельный феномен без постановки в ряд

¹ <http://www.ceunet.org/>.

² Хан-Магомедов писал: «Я бы разделил русскую архитектуру XX века на три автономных в эстетическом плане явления. Во-первых, это авангард. Во-вторых, сталинский ампир. И, наконец, в-третьих, "бумажная архитектура" 80-х гг. Всё, что остаётся за рамками приведённой классификации, не представляет профессионального интереса». (Латур А. Рождение метрополии. Москва 1930–1955 г. : Воспоминания и размышления. – Москва : Искусство XXI века, 2005. – С. 178).

Рис. 1. Проект, выдвинутый на конкурс «Стиль 2001 года». Архитектор и автор акварелей М. Филиппов. 1984 год

истории градостроительства. Настоящая статья ставит целью анализ идей традиционного города и анализ их реализации в России за последние сорок лет в общемировом контексте Нового урбанизма.

Точкой рождения нового традиционного города в России можно считать следующий факт: в 1984 году молодой архитектор Михаил Филиппов выступил с пророческим заявлением, в котором представил классическую градостроительную программу. В серии его акварелей для конкурса «Стиль 2001 года» японских журналов «JA» и «A+U» район из панельных зданий постепенно заменялся традиционной архитектурой, выполненной в духе разных эпох: от храмов и колоколен XVIII века до старо-московского жёлто-белого классицизма XIX века и неоклассики Серебряного века (рис. 1). Другие серии акварелей представляли дом-квартал, клуб и руину в тех же традиционных стилях. В пояснении к проекту Филиппов писал: «Отказ от поэтики индустриальной цивилизации – это основа для формирования стиля будущего. Архитектура, наконец, вернётся к тем образам, которые ценят люди, – к тому, что называется “историческими центрами городов”, которые созданы до того, как появились модернизм и остальные “измы” XX столетия <...> Архитектура станет вещью самоценной, независимой от самовыражения мастера» [4]. Проект заслужил первую премию и похвалу известного архитектора и урбаниста Альдо Росси.

Контекстом для этого манифеста в России было развивавшееся с 1970-х годов движение градозащитников, спасавших памятники архитектуры и истории. Близкие идеи были предложены в середине 1980-х архитектором Борисом Ерёмным в концепции ретроразвития. Они были воплощены в дипломах студентов МАРХИ, а позднее и в восстановлении исторических зданий в столице [5]. Огромное влияние на интерес к традиционному городу оказала концептуальная бумажная архитектура, которую С.О. Хан-Магомедов назвал третьим по значимости явлением в русской архитектуре XX века после авангарда 1920-х и сталинского ампира². «Бумажники» вернули архитектуре утерянную за предыдущие тридцать лет стерильного модернизма символическую память. Они обратились к символам и культурным аллюзиям, к поэтике человеческого существования, и это богатство смысла помогло потом перейти к традиционной архитектуре и градостроительству. Архитектура опять обрела «вертикальное измерение», которое так активно отрицали великие модернисты XX века, всю энергию направившие в сторону стихийного и механического, витального и техногенного. А на авангардном языке многое выразить невозможно или очень трудно. У бумажников человек опять стал центром поэтики, а для этого понадобилась ордерная архитектура.

Собственно, манифест традиционного города, провозглашённый Филипповым, – это бумажный проект. Ещё два архитектора, обратившиеся позднее к традиционному градостроительству, вышли из «бумажников» – Михаил Белов и Илья Уткин. Белов выиграл первую премию на конкурсе

1981 года с проектом «Дом-экспонат в музее XX века», а Уткин совместно с А. Бродским победили в конкурсе «Хрустальный дворец» (Crystal Palace) 1982 года. Все перечисленные авторы почти каждый год – с 1978-го по 1988-й – завоёвывали призовые места на международных конкурсах, а в начале 1990-х годов объездили весь мир с выставками и лекциями про бумажную архитектуру. В отличие от Филиппова, их проекты не были напрямую связаны с темой традиционного города. Белов, работая в западных компаниях, проектировал в авангардном стиле. Он участвовал в архитектурных конкурсах вплоть до 1995 года и выигрывал их, затем разочаровался в авангардной эстетике, всё бросил и вернулся в Россию, чтобы стать неоклассиком.

Что касается идей западного Нового урбанизма, то в 1984 году, когда Филиппов провозгласил манифест традиционного города, в СССР ещё существовал железный занавес, который, впрочем, не был абсолютно непроницаемым: работы Леона Крие публиковались в журналах и были известны в СССР. Но проект города Паундбери (архитектор Л. Крие) появился только в 1988 году. Это даёт основание считать, что идеи традиционного города родились в России независимо от западного Нового урбанизма. Но и в 1990-х, когда русские архитекторы узнали о проектах Нового урбанизма, они не ориентировались на них и двигались самостоятельно. Такие постулаты Нового урбанизма, как пешеходная доступность основных функций, традиционная иерархия в планировке и силуэте города, традиционный профиль улицы с общественными первыми этажами, полицентричность города, состоящего из самодостаточных кварталов, наконец, ордерная архитектура, пропорционально связанная с человеком, считались ими чем-то вроде аксиомы, поскольку были характерны для исторических городов и отсюда заимствовались, а потом переосмысливались согласно современным задачам.

В 1990-е годы неоклассики основали собственные студии, получили возможность проектировать частные дома, частные и общественные интерьеры. В 2000-х они вышли на уровень градостроительства. Сначала появились многоквартирные дома и кварталы в исторической застройке, затем загородные посёлки и небольшие города. Интересно, что выбор неоклассического направления архитекторы связывают именно с городом. Илья Уткин свою миссию видел в лечении города и не отступал от неё в дальнейшем: «Глобальное улучшение исторической среды не нужно. Амбиции личностей, которые хотят сломать стереотипы, бессмысленны. Не надо ломать традиционные способы восприятия. В городе много зияющих ран, которые оставила война или чьи-то амбиции. И эти места надо залечить» [6]. Михаил Белов сформулировал привлекательность традиционного города по сравнению с модернистским метафорически: «Чем хорош исторический город? Ты идёшь по улице-коридору, и вдруг – площадь. Катарсис! Из улиц и площадей ткётся ткань города. Классические архитекторы ткут её подобно паукам. Модернистские архитекторы – вороны, которые стаскивают в кучу яркие и

блестящие объекты» [1]. То есть секрет в том, что неширокие улицы, ограниченные рядом домов – своеобразными фасадными стенами, подобны коридорам, которые сменяются площадями-залами правильной, понятной формы. Город подобен уюмопостигаемому интерьеру. Причём дома не обязательно должны быть шедеврами. Важнее их сомасштабность человеку и наличие детализировки на фасадах, соотносимые с человеком пропорции ордера, классическое соотношение стены и проёмов.

Как уже говорилось, трое архитекторов-неоклассиков вышли из бумажной архитектуры. Более молодой – Максим Атаянц, присоединился к ним чуть позже. Профессиональная биография Максима Атаянца началась в середине 1990-х с характерного эпизода. Свой диплом он защищал в Петербургской академии художеств в 1995 году, в возрасте 30 лет, имея опыт архитектурной практики. Диплом был классическим (такое произошло впервые с 1955 года). Проект был высокого уровня, его одобрил оказавшийся в ту пору в Петербурге маститый американский неоклассик Томас Гордон Смит. Атаянц претендовал на самую высокую оценку. Но председатель комиссии Евгений Розанов, закоренелый модернист, строитель музея Ленина в Ташкенте, посчитал классику неприемлемой и заявил, что выходит из комиссии, если поставят пятёрку. Был скандал, пятёрку в итоге всё же поставили. Что касается обоснования выбора неоклассики, то Максим Атаянц также связал его с городом. На круглом столе в рамках выставки «Историзм» в 2011 году он сказал: «Существует невероятное количество дряни, услащённой или унавоженной огромным количеством классических деталей, которые не делают её ни в малейшей степени относящейся к классике. И есть очень хорошие здания, сделанные в модернистской традиции выдающимися мастерами. Иная картина возникает, если погрузить эти здания в среду обитания. Пять-шесть поставленных рядом шедевров модернистской архитектуры образуют очень агрессивную, нехорошую среду. В то же время скромные, даже посредственные с точки зрения архитектуры, но правильно спроектированные дома, не обязательно перегруженные классическими деталями, создают среду совершенно другого качества» [7].

Применение принципов Нового урбанизма в России отличается от того, что происходит на Западе. Хотя идейный процесс начался одновременно, в 1980-е годы, реальные постройки появились на Западе тогда же, а в России – в силу трудной экономической ситуации 1990-х – только в 2000-е годы. Характерная черта западного движения – мастерплан и градостроительный код, который пишут урбанисты для каждого нового города. Кроме общей планировки, код регламентирует ширину улиц, высоту домов, материалы, из которых они построены, иногда стиль – всё вплоть до вывесок и заборов. Дальше дома могут быть спроектированы разными архитекторами. В России авторы традиционных городов специального кода не пишут. Их города получают художественно цельными, так как проектируются, как прави-

ло, одним автором. В отличие от «юридического» западного подхода, российские авторы изучают исторический город как эстетический феномен и на этой основе проектируют свой город, в котором сильнее художественный и ансамблевый компоненты.

Новые градостроительные идеи в конкурсных проектах

Градостроительные идеи российских неоклассиков были постулированы, начиная с 1990-х годов, в резонансных архитектурных конкурсах. Михаил Филиппов в 1997–1998 годы создал проект «Московская Венеция» для конкурса на оформление стрелки Острова рядом с Кремлём. Он предложил прорезать Остров каналами и превратить его в прогулочную зону с променадом и раскрытиями на Храм Христа Спасителя, Дом на набережной и другие памятники. Сочетая регулярную планировку с изогнутыми парадными набережными, он добился великолепных видов (проект был охарактеризован жюри как «слишком красивый и не московский»). Для конкурса на решение Крымской набережной (2002) Филиппов спроектировал террасную композицию, которая получила потом развитие в проекте Павшинской поймы в Подмоскovie. В той же традиционной эстетике выполнены проекты для Омска и Тюмени, кампус университета в Тверской области и другие³. Ещё один ансамбль с аллюзиями на неоклассику Серебряного века (проект Ивана Фомина) был создан мастерской Филиппова для петербургского острова Тучков Буян в конкурсном проекте на Набережную Европы (2009).

Для того же Тучкова Буяна четыре года спустя провели новый громкий конкурс на квартал для Верховного суда (2013), в котором выиграл проект Максима Атаянца – репрезентативный парадный ансамбль в римском духе, располо-

женный напротив биржи Тома де Томона, ведущий диалог с историческими панорамами Невы, бережно сохранивший все открыточные виды северной столицы. К сожалению, проект не был реализован: сначала участок отдали другому архитектурному бюро, а затем вообще решили устроить на этом месте парк, для чего провели новый конкурс. Михаил Белов в соавторстве с Петром Завадовским сделал со студентами МАРХИ дипломный проект «Кремль-2» для воображаемого переезда российского правительства в Мневниковскую пойму (2021). Из десятков конкурсных проектов до реализации дошли очень немногие. Из перечисленных выше не дошёл пока ни один, но градостроительные идеи в них были заявлены и ждут воплощения.

Кварталы как полигон для испытания градостроительных идей

Прежде чем появились посёлки и города, новые идеи были опробованы в строительстве городских кварталов. Отличительная черта русской градостроительной школы в том, что эти кварталы, как правило, довольно масштабны и по площади, и по количеству населения, иногда сопоставимого с населением городов. Например «Итальянский квартал» Михаила Филиппова рассчитан на 1000 жителей, а его же квартал «Маршал» (943 квартиры) более чем на 3000 жителей. Для сравнения в Паундбери население постепенно росло от 2000 до 4500 человек. Также свыше 3000 жителей в квартале «Ренессанс» Степана Липгарта в Петербурге. А квартал «Меценат» Ильи Уткина в Кадашёвской слободе (2019, рис. 2) занимает довольно большую площадь (1,16 га) в Замоскворечье. Сам архитектор считает квартал воплощением своего понимания города. «Мой идеал – классический город, а не конструктивистский. Моя цель – не инженерная романтика Корбюзье, а романтика красоты и композиции. Этот идеал воплощён, прежде всего, в недавно завершённой Кадашёвской слободе – традиционном малоэтажном городском квартале с исторической церковью Воскресения Христова» [6].

Важный этап в развитии градостроительных идей русской школы – «Итальянский квартал» на Долгоруковской улице в Москве (2003–2013). Здесь были найдены художественные приёмы, развитые впоследствии в градостроительных произведениях. Квартал придуман Михаилом Филипповым как руина римского амфитеатра, как бы обстроенная позднее разными зданиями. Террасная композиция из нескольких корпусов понижается по направлению к полукруглой площади, образуя ансамбль с колокольной существующей церкви св. Николая. В квартале соединяется классика разных эпох, не прямые цитаты, но мотивы: от башен Гибеллинов до экседры Папского дворца Пирро Лигорио Микеланджело, от русского ампира до неоклассики Серебряного века. Тема наслоений исторического города подсмотрена в Риме, в античном театре Марцелла, где до сих пор есть жилые квартиры и полицейский участок. Умение увидеть в этих мотивах общую эстетическую основу и сблизить их при помощи динамической

³ Градостроительные идеи «тестировались» даже в интерьерах Филиппова, например в интерьере Еврейского театра места для зрителей решены как Небесный град Иерусалим — город на горе, как бы сошедший с иконы, а магазин «Империял» на Тверской представлял собой бесконечный колонный город, умноженный с помощью зеркал. Оба интерьера не сохранились.

Рис. 2. Квартал «Меценат» в Москве. Архитектор И. Уткин 2015–2019 годы. Фотография предоставлена автором проекта

общей композиции – художественная инвенция архитектора, которая потом развита в «Горки Городе». Тема большого дома-квартала, характерная для неоклассики Серебряного века, также получила развитие в «Итальянском квартале», но, в отличие от прошлого, он ориентирован не на улицу, а внутрь, и дворы имеют парадные фасады. Стремление закрыться от агрессивной среды мегаполиса, создав в нём как бы остров, характерно для работ Филиппова. (Ещё более обострён этот приём в квартале «Маршал», который выглядит, как остров, в окружающей застройке. Это недорогое жильё для военных с себестоимостью одного квадратного метра до 30 тыс. руб., построенное по президентской программе, решённое с отсылкой к сталинской архитектуре). В «Итальянском квартале» также впервые применён приём разделения фасадов на ордерные композиции по три-пять осей, позже развитый в «Горки Городе» и других произведениях. В то же время квартал вписан в окружение. Террасная композиция «Итальянского квартала» с Долгоруковской улицы воспринимается как город на холме, а полукруглая площадь выходит в Пыхов-Церковный проезд. Улицу с переулком связывает предназначенный для широкой публики проход с парадными арками сквозь квартал (рис. 3).

Молодой архитектор Степан Липгарт построил в Петербурге на улице Дыбенко ЖК «Ренессанс» (2015–2019) – огромный квартал, по сути, целый город на 3000 жителей, что опять же сопоставимо с населением города Паундбери. Архитектура в стиле романтического ленинградского ар-деко 1930-х годов создаёт колоссальный контраст с панельным окружением, из-за чего квартал воспринимается как отдельный город в центре панельного района. Градостроительный масштаб подчёркнут тем, что в планировке двора цитирована римская пьятца дель Попполо с трёхлучием улиц. Несмотря на гигантский объём, явившийся результатом требования заказчика, разновысотные корпуса квартала артикулированы с помощью ордерных композиций, благодаря чему воспринимаемы глазом и сохраняют соотношение с человеком [8].

Рис. 3. «Итальянский квартал» в Москве. Архитектор М. Филиппов. 2003–2013 годы. Фотография предоставлена автором проекта

Надо отметить, что в американском Новом урбанизме есть линия П. Калторпа, так называемое транзитно-ориентированное развитие, которая допускает высотные города, но они строятся в стиле модернизма, а высотной классики там нет, это уникальная российская ситуация.

Новые посёлки

Один из первых опытов, одновременно наиболее близкий к западному Новому урбанизму, – подмосковный посёлок таунхаусов Ивакино-Покровское (2010). Автор – Максим Атаянц, взял в качестве образца среду европейского традиционного города. Две части посёлка по сторонам от дороги архитектор уподобил в плане античному ипподрому и римскому лагерю⁴. Машины и пешеходы разведены. Автомобили находятся в гаражах, встроенных в таунхаусы. Созданы бульвары и площади для прогулок, украшенные фонтанами и обелисками. Кроме того, к каждому дому прилегают частные участки земли. Пропилеи отмечают вход в посёлок. Есть и общественная площадь, но без церкви и ратуши. Всё-таки это жильё без полноты городских функций. Поскольку цена за квадратный метр была доступная (примерно 1200 евро за кв. м), Ивакино-Покровское быстро было освоено жителями.

В подмосковном посёлке «Резиденции Монолит» (2006, рис. 4) Михаила Белова, спроектированном и построенном для членов закрытого элитарного клуба «Монолит», с самого начала была и церковь, и школа, вписанные архитектором в ансамбль из 150 палладианских вилл. Храм стоит на той же дороге, что школа – в конце главной аллеи, то есть прямо от торжественных пропилей человек вступает на дорогу к храму. Можно начать с просвещения – повернуть к школе, можно – на другие улицы (храм вначале не виден). Дорога

⁴ Связь с античностью в Подмоскovie – более прямая, чем кажется. По соседству находится село Трахонеево. Вотчина с таким названием была пожалована Василию Траханиоту, сыну вельможи из свиты византийской царевны Софьи Палеолог, жены царя Ивана III. Частью вотчины и было Ивакино.

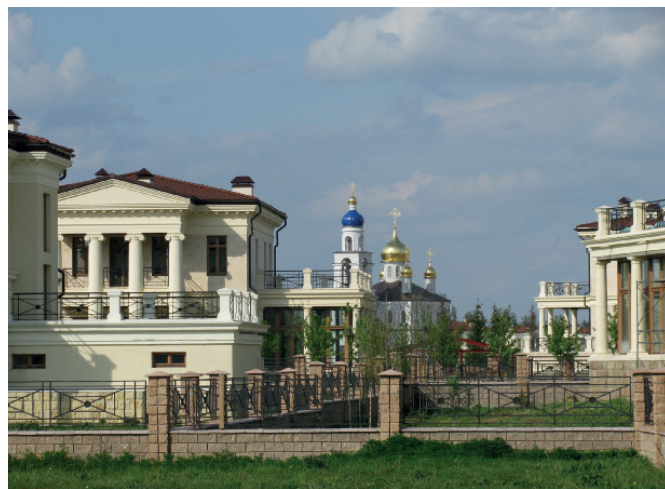

Рис. 4. Посёлок «Резиденции "Монолит"» в Подмоскovie. Архитектор М. Белов. 2006–2007 годы. Фотография предоставлена автором проекта

не то чтобы совсем прямая, но к цели ведёт. Храм служит композиционной и смысловой кульминацией. Он отражается в озере вместе с особняками. В этой точке произведение закончено и «смотрится в зеркало». В планировке посёлка есть сходство как с городами-садами, так и с идеальными городами французского классицизма.

Новые города. Город Набережных и «Горки Город»

Если «Ивакино-Покровское» и «Монолит» имеют камерный масштаб посёлка, то Город Набережных Максима Атаянца и «Горки Город» Михаила Филиппова и Максима Атаянца – новый этап в развитии Нового урбанизма. Недаром в названии обоих есть слово «город», это как бы города в квадрате – по сути и по названию. Количество жителей в Городе Набережных около 8000 человек, столько же жителей/отдыхающих в курортном «Горки Городе». Это поворотный пункт в истории массового строительства, которую Ле Корбюзье направил в сторону панельных районов, а Филиппов и Атаянц совершили, казалось бы, невозможное: развернули её в сторону классики.

Первый из нескольких подмосковных городов Максима Атаянца (девелопер «Урбан Групп») – Город Набережных на реке Клязьме (2010–2015, рис. 5). Он не похож на малоэтажные западные деревни Нового урбанизма. По высоте домов (от трёх до восьми этажей) он ближе к микрорайону, по стилистике – к сталинской архитектуре. В отличие от структуры стандартного спального района, где дома как бы летают в невесомости космического пространства, здесь за основу взят принцип традиционной улицы со стеной из фасадов. Это классический ансамбль, прорезанный каналами, как в Венеции или Петербурге, с площадью-озером в центре, на пересечении центрального бульвара и поперечной улицы. Кстати, озеро в центре города есть и в Селебрейшне (США) – эталонном примере американского Нового урбанизма, но на этом сходство заканчивается. Атаянц поместил у озера два полукруглых в плане дома, отсылая к парадному ансамблю советской неоклассики – площади Гагарина в Москве Е. Левинсона и И. Фомина.

Рис. 5. Город Набережных в Подмосковье. Архитектор и автор фото М. Атаянц. 2010–2015 годы

В Городе Набережных создана уникальная среда с набережными для прогулок (рис. 6). Он состоит из кварталов неправильной формы, безопасные дворы подняты на подиумы и недоступны для машин, там расположены детские площадки, а под дворами находятся подземные парковки. Причём это был первый опыт в России (проект придуман в 2008 году), потом его повторили все. Первые этажи отданы под магазины, кофейни, цветочные киоски, спортклубы и т.д. Есть авторские школа и детсад. Здание наземного паркинга с римскими арками служит стеной, отделяющей Город Набережных от шоссе. Главный въезд в город оформлен триумфальной аркой. Второй въезд отмечен обелиском и кирпичной аркадой акведука. Здесь есть ротонда у леса и даже квартира в мосту через канал. Дома отделаны качественным кирпичом, деревом и классическими деталями из фибробетона, производство которых наладила компания «Урбан Групп». То есть этот проект двинул вперёд промышленное изготовление классических деталей и материалов. Наконец, цена жилья в Городе Набережных была на старте продаж меньше, чем в соседних панельных районах (1,9 млн руб за однокомнатную квартиру площадью 30 кв.м), что опровергает мнение о дороговизне классики. Элитарная, хорошо придуманная и нарисованная архитектура оказалась демократичной и доступной.

Излишне говорить, что жители Города Набережных оценили его уникальность. Здесь сложилось местное сообщество, о городе заботятся, балконы украшены цветами и подсветкой. Зимой озеро превращают в каток, наряжают на нем ёлку и проводят праздники, причём чистят снег на катке исключительно сами жители. Таким образом, здесь есть все параметры Нового урбанизма: пешеходная доступность основных функций, традиционная планировка, традиционный профиль улицы, местное сообщество и ордерная архитектура. И сверх того есть парадный классический ансамбль.

Важнейшим воплощением идей классического градостроительства стал «Горки Город», построенный сначала как медиа-деревня для Олимпиады-2014 в Сочи. В «Горки Городе» две части: нижний город на отметке 540 м – Михаила Филип-

Рис. 6. Город Набережных в Подмосковье. Архитектор и автор фото М. Атаянц. 2010–2015 годы

пова, верхний город на отметке 960 м – Максима Атаянца [9, с. 125]. Реализация проекта висела на волоске. Частный инвестор Ахмед Билалов, который начал стройку в 2010 году, спустя три года, после разгромной критики Владимира Путина за срыв сроков строительства, исчез. Достаивал город Сбербанк, а архитекторов отстранили от всех работ за год до сдачи объекта. Как вообще что-то могло получиться? Вот оценка самих авторов.

Михаил Филиппов: «Я долго анализировал через смиренное рисование, как устроены красивейшие города Европы (Петербург, Рим и т.д.). Могу сказать, что вполне уяснил законы, по которым они строятся. Это и этажность, и размеры окон, и визуальные точки, и градостроительная сетка. Суть того, что я сделал, – это наложение градостроительных сеток друг на друга: радиально-кольцевой и прямоугольной, гипподамовой. При их пересечении возникает какая-то новая жизнь, новые площади с неожиданными ракурсами. Разумеется, генплан без видовых точек ничего не значит. Это как в музыке: недостаточно сделать лишь структуру симфонии. Нужна еще такая мелочь, как мелодический дар, чтобы было красиво. Плюс образование и эрудиция. Главное, что я проектировал не просто в классике или барокко, а в стиле города. Идея городка, как бы построенного в разное время, выдержала некачественное строительство, потому что старая застройка терпит очень многое» (рис. 7).

Максим Атаянц: «Я понял, что в любой крупной архитектурной работе нельзя шагнуть выше "цивилизационного потолка" страны. Деталировки в моей части "Горки Города" выполнены с громадными нарушениями. Фасадные решения безобразные. При том что проект разрабатывался четыре года со всей тщательностью, с трудом могу выбрать три-четыре картинки, которые соответствуют замыслу. Из 320 тыс. кв. м построили примерно 180 тыс. Хотя я, конечно, предпринял все усилия, чтобы в проекте было как бы несколько слоёв, чтобы при искажениях и сокращениях он страдал минимально».

Тем не менее обе части города были доведены до завершения, хотя и с нарушениями деталировок. По филипповскому проекту построили традиционный пешеходный средиземноморский город с площадями разных форм и масштабов, сложным рисунком черепичных крыш на фоне живописной небесной линии, протяжённой набережной реки Мзымта. Здесь развит приём из «Итальянского квартала» – с высоты фуникулёра город выглядит, как обстроенная руина римского амфитеатра. Ступенчатое расположение корпусов задаёт общую динамическую форму и напоминает устремлённые в небо лестницы (рис. 8).

У Максима Атаянца в верхнем, тоже пешеходном, городе получился, скорее, античный римский лагерь с перпендикулярными главными улицами: торговой и жилой. На пересечении предполагался тетрапилон, но не был осуществлён. Спроектированное Атаянцем поселение располагается на склоне горы, с резким перепадом рельефа. С нижним городом его связывает канатная дорога. От фуникулёрной станции спускается широкая лестница, выводящая на центральную площадь (рис. 9).

После олимпиады «Горки Город» превратился в процветающий горнолыжный и спа-курорт. Гуманистичность ордерной архитектуры, пронзительные горные виды снискали ему популярность, которая растёт с каждым годом. Здесь развивается

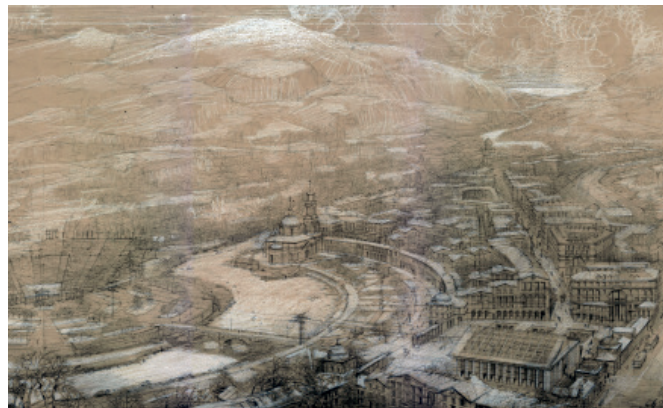

Рис. 7. «Горки Город» в Сочи. Первоначальный эскиз. Архитектор М. Филиппов. Иллюстрация предоставлена автором проекта

Рис. 8. «Горки Город» в Сочи на отметке 540 м. Архитектор М. Филиппов. Фото Л. Копыловой

Рис. 9. «Горки Город» в Сочи на отметке 960 м. Первоначальный эскиз архитектора М. Атаянца

малый бизнес. Главные улицы стали гастрономическими и торговыми. «Горки Город» стал первым полновесным воплощением художественной программы Филиппова, своего рода исполненным пророчеством, заявленным в 1984 году в конкурсном проекте. Для Максима Атаянца таким построенным манифестом стал Город Набережных.

Таким образом, русские архитекторы внесли свой вклад в возрождение традиционного города. Поскольку исторические города, при всей любви к ним населения и туристов, не служили образцом для градостроителей в период 1950–1980-х годов, когда во всём мире школа классической архитектуры прервалась, было важно восстановить прерванную традицию. Во-вторых, в традиционных городах проявился лишь недавно осознанный экологический аспект. Районы массового жилья корбюзиянского типа по причине символической бедности не ощущаются населением как средоточие памяти, как «каменная летопись» и сносятся спустя 30–50 лет после постройки. А это разрушительно для природы. Классические же здания люди стараются сохранять, обычно срок жизни зданий приближается к ста годам, как видно, к примеру, по советской неоклассике 1930-х, и, судя по её добротному состоянию, сто – явно не предел. А длинная жизнь автоматически делает архитектуру экологичной.

Традиционный город и экология

Экологический аспект – важнейший для Нового урбанизма. В Хартии Нового урбанизма⁵ заявлены не только пешеходная доступность основных функций, минимизация перемещений людей в течение дня и, соответственно, транспорта, но и подход к архитектуре в рамках устойчивого развития. Поскольку здания наносят вред природе при строительстве, эксплуатации и особенно при сносе, причём этот вред составляет 50% от общего антропогенного следа; поскольку именно архитектура выбрасывает половину CO₂ в воздух, начало третьего тысячелетия ознаменовалось поисками решения экологических проблем. Финансовый кризис 2008 года ещё больше актуализировал экологическую проблему. Атракционная архитектура 2000-х оказалась неэкологичной и перестала быть актуальной. Активизировались международные системы экологической сертификации, разработанные организациями LEED, BREEAM, DGNB и другими, определившими критерии «зелёного» здания. И тут выяснилось, что традиционная архитектура по многим параметрам соответствует самым строгим экологическим стандартам. Массивная стена, чередующаяся с окнами, в отличие от сплошного остекления, создаёт инерцию теплоотдачи, поэтому летом в таком доме прохладно, а зимой тепло. Так экономится энергия на отопление и кондиционирование. Натуральные материалы (возобновляемые и/или годные к повторному использованию) повышают экологический рейтинг здания, а эстетические качества классики и её символический багаж обеспечивают долговечность.

Борьба за экологию привела к тому, что английский архитектор-неоклассик Квинлан Терри выступил со статьёй «Проектируя устойчивое будущее» («Designing the sustainable future»), объяснив разницу между некрасиво стареющими навесными фасадами, облицованными алюминием или композитным материалом со швами, требующими замены раз в пять лет, и натуральными материалами, служащими не одно столетие. Город Паундбери стал форпостом экологических технологий. Некоторые здания в нём были сертифицированы по системе BREEAM⁶, многие дома отапливаются с помощью метана с соседних полей. Принц Чарльз инициировал разработку энергоэффективного частного дома, выстроенного по новой технологии из глиняных полых блоков. Дом находится в Технопарке организации BREEAM.

В России одним из первых экологических проектов стал «Горки Город» в Сочи, спроектированный М. Филипповым и М. Атаянцем. Часть зданий планировалось сертифицировать по системе BREEAM, международному экологическому стандарту, но получилось это сделать только по российскому, менее строгому стандарту, специально написанному для Олимпиады. При строительстве нижней и верхней частей «Горки Города» были использованы кирпич и дерево, бетон производили на строительной площадке, чтобы уменьшить энергозатраты. Стиль архитектуры Филипповым был выбран, исходя из местной традиции. Вернакулярном Филиппов посчитал сталинскую классику, которая в Сочи, под руководством выдающегося палладианца И. Жолтовского получилась очень качественной. Максим Атаянц выбрал классику с аллюзиями на римскую и местную кавказскую архитектуру. Следование вернакюляру – тоже критерий экологичности архитектуры, за него начисляют баллы в экологических сертификациях.

Позиция по отношению к предшественникам

Диалог с предшественниками и у западных, и у российских градостроителей в том или ином виде присутствует. В решении парадных площадей используется классика прошлых веков, хотя степень свободы от прототипа разнится. Европейцы обычно академичнее. Они также больше любят свой вернакуляр. Российские авторы чаще черпают приёмы из своего XX века. Волны неоклассики Серебряного века и советского времени в России были мощными и оригинальными. Они не дошли до пика, не исчерпаны. При этом новые традиционалисты избегают таких смыслов «серебряной» неоклассики, как нищезанство. Равно не близки им энтузиазм и сверхчеловечность сталинской архитектуры. Из неё берут профессиональные приёмы, но вкладывают свой, современный смысл. Классика в России вообще довольно «молодая» в сравнении с Европой, возраст её отсчитывается со времён Петра I. 300 лет – ничто на фоне двух с половиной тысячелетней европейской усталости. Так что у российской классики её есть юный задор и перспективы. Европейский период российской истории – наиболее плодотворный для культуры, так как соединение европейской формы и русского содержа-

⁵ <https://www.cnu.org/who-we-are/charter-new-urbanism>.

⁶ BREEAM расшифровывается как Building Research Establishment Environment Assessment Methode, что переводится примерно как метод исследования и оценки воздействия зданий на природное окружение (<https://bregroup.com/products/breeam/>).

ния даёт блестящие произведения непреходящего значения, как симфонии Чайковского, Рахманинова и Шостаковича, как романы Толстого и Достоевского, как архитектурные ансамбли Петербурга. Поэтому форма европейского традиционного города, наполненная местным содержанием, представляется перспективным художественным явлением.

Заключение

Красота традиционного города – самоочевидная истина. Российские архитекторы пришли к идее возрождения традиционного города, не особо оглядываясь на Новый урбанизм, соотносясь с местным контекстом. Если для западного Нового урбанизма характерен юридический подход с написанием дизайн-кода, регламентирующего все параметры города, то русские неоклассики идут от классического ансамбля, попутно решая градостроительные и экономические проблемы. Что касается социального значения, то здесь отечественная архитектура достигла более значительного успеха, создав доступное жилье в неоклассическом стиле (Город Набережных, Опалиха 02, ЖК «Маршал»). Так как классическая культура в нашей стране всегда была сильна, то российские авторы опираются на традицию неоклассики Серебряного века и советского времени, а также на некоторые идеи бумажной архитектуры. А поскольку местный контекст требует высоких зданий, то, в отличие от западных городов Нового урбанизма, малоэтажных по преимуществу, у русских авторов получают произведения более масштабные. Они также более пассионарные, чем у западных коллег, за счёт опоры на русскую неоклассику XX века и изобретение новых художественных приёмов, развивающих классический канон.

Список источников

1. «Михаил Белов» / Текст : электронный // Проект классика. Спецвыпуск – 2006. – URL: http://projectclassica.ru/project/19_2006/19_project_05a.htm (дата обращения 23.02.2023).
2. Ревзин, Г.И. Михаил Филиппов: архитектор-художник / Г.И.Ревзин. – Текст : непосредственный. – Москва : ОГИ, 2011. – 510 с.
3. Копылова, Л.В. Архитектурный тренд / Л.В. Копылова. – Текст : непосредственный // Газета «Коммерсантъ». Приложение «Дом» от 28.08.2014. – С. 1–4.
4. Ревзин, Г.И. Венецианская биеннале. VII международная архитектурная выставка. Россия. Михаил Филиппов : Каталог российского павильона. – Москва : А-Фонд, 2000. – 80 с. – Текст : непосредственный.
5. Архитектор Борис Ерёмин: творческое наследие, реконструкция центра Москвы, архитектурные концепции и проекты второй половины XX века / Авт.-сост.: М.В. Нащокина, М.В. Гандельсман, Б.В. Хомский. – Москва : Прогресс-Традиция, 2016. – 623 с. – Текст : непосредственный.
6. Копылова, Л. «Илья Уткин: Мы учились у Пиранези и Палладио» / Л.В. Копылова. – Текст : электронный // Archi.ru. – URL: <https://archi.ru/russia/86110/ilya-utkin-my-uchilis-u-piranezi-i-palladio/> (дата обращения 23.02.23).

7. Дискуссия: «По плечу ли классической архитектуре аэропорт?» / Текст : электронный // Веб-журнал «Эка.ру». – 25.05.2012. – URL: http://ec-a.net/index.php?mn=razdel&mns=t5887ptalb8w3_r (дата обращения 23.02.2023).

8. Копылова, Л.В. «Линия отягощённого порыва» / Л.В. Копылова. – Текст : электронный // Портал «Архитектура России». – URL: <https://archi.ru/russia/85274/liniya-otyagoschennogo-poryv> (дата обращения 23.02.2023).

9. Копылова, Л.В. «Горки Город». Город в посёлке Красная Поляна в Сочи / Л.В. Копылова. – Текст : непосредственный // Проект Россия. – 2015. – № 72. – С. 182–196.

References

1. "Mikhail Belov". In: *Proekt Klassika. Spetsvypusk [Proekt Klassika. Special Issue]*, 2006. URL: http://projectclassica.ru/project/19_2006/19_project_05a.htm (Accessed 02/23/2023). (In Russ.)
2. Revzin G.I. Mikhail Filippov: arkhitekto-khudozhnik [Mikhail Filippov: architect-artist]. Moscow, OGI Publ., 2011, 510 p. (In Russ.)
3. Kopylova L.V. Arkhiinteresnyi trend [Archiinteresting trend]. In: *Gazeta «Kommersant». Prilozhenie «Dom» [Newspaper "Kommersant". Application "Dom"]*, 08/28/2014, pp. 1–4. (In Russ.)
4. Revzin G.I. Venetsianskaya biennale. VII mezhdunarodnaya arkhitekturnaya vystavka. Rossiya. Mikhail Filippov : Katalog rossiiskogo pavil'ona [Venice Biennale. VII International Architectural Exhibition. Russia. Mikhail Filippov. Catalog of the Russian Pavilion]. Moscow, A-Fond Publ., 2000, 70 p. (In Russ., in Engl.)
5. Nashchokina M.V., Gandel'sman M.V., Khomskii B.V. (authors-editors). Arkhitekto Boris Eremin: tvorcheskoe nasledie, rekonstruktsiya tsentra Moskv, arkhitekturnye kontseptsii i proekty vtoroi poloviny XX veka [Architect Boris Eremin: Creative Heritage, Reconstruction of the Center of Moscow, Architectural Concepts and Projects of the Second Half of the 20th Century]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2016, 623 p. (In Russ.)
6. Kopylova L. «Il'ya Utkin: My uchilis' u Piranezi i Palladio» ["Ilya Utkin: We Studied with Piranesi and Palladio"]. *Archi.ru*. URL: <https://archi.ru/russia/86110/ilya-utkin-my-uchilis-u-piranezi-i-palladio/> (Accessed 02/23/2023). (In Russ.)
7. Diskussiia: «Po plechu li klassicheskoi arkhitekture aeroport?» [Discussion: "Can classical architecture be up to the task of an airport?"]. In: *Veb-zhurnal «Eka.ru» [Web-magazine "Eka.ru"]*, 02/25/2012. URL: http://ec-a.net/index.php?mn=razdel&mns=t5887ptalb8w3_r (Accessed 02/23/2023). (In Russ.)
8. Kopylova L.V. «Liniya otyagoschennogo poryva» ["The Line of a Burdened Impulse"]. *Portal "Arkhitectura Rossii" [Portal "Architecture of Russia"]*. URL: <https://archi.ru/russia/85274/liniya-otyagoschennogo-poryv> (Accessed 02/23/2023). (In Russ.)
9. Kopylova L.V. «Gorki Gorod». Gorod v poselke Krasnaya Polyana v Sochi ["Gorki Gorod" City in the Village of Krasnaya Polyana in Sochi]. In: *Proekt Rossiya*, 2015, no. 72, pp.182–196. (In Russ., in Engl.)